

Как Маньци возник так вовремя? Будто ему заранее кто-то позвонил, чтобы тот вышел навстречу! Похоже, какие-то хитрые уловки...

Как же всё это достало.

Раз уж их укрытие обнаружили, прятаться больше не было смысла, и Со Фэй шагнул навстречу принцу.

Маньци пришёл один. Его серебристые волосы были небрежно собраны под изумрудно-зелёной заколкой. Из-под длинной рубахи, переливающейся множеством оттенков синевы и зелени, виднелись тёмные облегающие штаны тех же цветов, заправленные в сапоги до колен, из-за чего он казался ещё выше и стройнее обычного.

Да, эльфы поистине прекрасны, этого у них не отнять.

Однако теперь Со Фэй не любовался им: за последнее время он наловчился сдерживать свои пристрастия и не терял самообладание от каждого смазливового личика.

Добрый Со Фэй: «Только гляньте, как я сдержан и спокоен. Становлюсь всё более мужественным!»

Злой Со Фэй: «Не иначе как насмотрелся на непревзойдённого гуна всего Яланса, вот красота других и не волнует тебя больше.»

Добрый Со Фэй: «Вечно ты всё портишь!.. ▯▯▯»

Маньци наградил Со Фэя взглядом, полным нежности и доброты, и тому стало не по себе. Надо же, до чего докатилась эта надменная неприступная ледышка. Тут точно дело нечисто.

Как и раньше,* Со Фэй придерживался благородного принципа «сохранять спокойствие перед лицом перемен». С каменным лицом, которое ему теперь так хорошо удавалось, он пристально взирал на Маньци.

[*Раньше — это в 20-й главе; выражение означает не поддаваться мимолётным тенденциям, а опираться на проверенные временем убеждения.]

А тот с лёгкой улыбкой тихо поинтересовался:

— Что же ты заранее не дал знать о своём возвращении?

«А ты всё равно тут как тут.»

— Ты сам со мной не связывался, а когда это пытался сделать я, ты не отвечал. Фер, я вернулся раньше, потому что Валинор вновь в опасности. Я не хотел, чтобы ты пострадал. — Подпустив в голос капельку самобичевания, он продолжил: — И я даже вообразить не мог, что город Майер постигнет подобная участь... К счастью, сияние жемчужины сердца не угасло, и благодаря этому я знал, что ты невредим.

С ловкостью фокусника он достал шарик, точь-в-точь такой же, как подаренный Со Фэю. Только сейчас он тускло мерцал розоватым светом.

— Я всегда держал её при себе. Сегодня она изменила цвет, и я понял, что ты вернулся.

Похоже, об этой хитроумной игрушке было известно всем. Можно сказать, что Маньци и впрямь кто-то позвонил... Точнее, не кто-то, а что-то, причём без ведома владельца. Что ж, теперь не нужно гадать, для чего нужна эта вещица. Видимо, она служила чем-то вроде коммуникатора. Невероятно! И почему эта штука ему раньше не попадалась?

Горящими глазами Со Фэй глядел на шарик в руке Маньци. Как было бы славно отдать его Самаэлю! Тогда они смогли бы постоянно быть на связи, даже если придётся разделить, и его сердце не знало бы тревоги.

Так, стоп... А почему Самаэлю? Кхе-кхе... Ну это же само собой разумеется... Где один — там и второй.

«А ты, злой Со Фэй, даже не думай что-нибудь ляпнуть на эту тему! И вообще, ты уволен!»

С головой уйдя в самодовольные фантазии, эльф пропустил мимо ушей всё, что говорил Маньци. Поэтому с изумлением обнаружил, что принц протягивает руки, чтобы горячо обнять его.

Не успел он и глазом моргнуть, как его рывком дёрнуло назад. Пошатнувшись, Со Фэй упал спиной в другие объятия.

Его окутал знакомый запах. Теперь, зная, что позади стоит Самаэль, он ощутил прилив спокойствия.

Сощурившись, Маньци выпрямился, и его лицо заледенело.

— Фер, подойди же. А чужакам в Валиноре не рады, — неприязненно проговорил принц.

Хоть эльфы и не сторонились других народов, в Валинор последние не допускались никогда. Со Фэй, разумеется, об этом знал. Но «не рады» и «запрещаем входить» — понятия немного разные. И если ты достаточно силен, ничто в мире тебя не остановит.

А вот тон Маньци Со Фэю очень не понравился.

— Я пришёл за Висканной, — наконец заговорил он.

— Но почему ты желаешь уйти? Мы принадлежим Валинору, — несколько удивился принц.

— Грандлин Эванс предал наш народ, — ровным тоном отозвался Со Фэй. — Разве можем мы с Висканной после этого остаться?

— Пока я рядом, ни одна живая душа не посмеет выразить недовольство! — грозно посулил Маньци, и его глаза безжалостно сверкнули.

От этих слов Со Фэй нахмурился. В Валиноре они с Висканной существовали бы в постоянном страхе. Неважно, правду ли говорит Маньци, но каково им будет жить, полагаясь на его милость?

За пределами эльфийских земель раскинулся целый мир, широкий и бескрайний Яланс, где каждый волен делать, что пожелает. Да в гномьей деревне будет во сто крат лучше, чем в Валиноре.

Видя, что собеседник молчит, Маньци вновь заговорил:

— Фер, я не отпущу тебя снова. Прошу, останься со мной.

Самаэль, до того хранивший молчание, тихо поинтересовался у Со Фэя, глядя прямо на него:

— Ты хочешь остаться? — губы его тронула тень улыбки, но в глазах не было ни капли теплоты.

Со Фэй замер. За эти дни последние крохи опасений улетучились, и он позабыл, что демонической природе свойственны безрассудство и горячность. Упиваясь нежностью и добрым отношением Самаэля, он совершенно упустил из виду, что его спутник по-прежнему опасен.

— Хочешь или нет? — терпеливо повторил тот.

Замутнённый взгляд Со Фэя прояснился.

— Нет! — твёрдо отрезал эльф.

Теперь на лице демона медленно расцветала настоящая улыбка, подобная чарующему маку: безумно прекрасная и столь же убийственная. Обняв Со Фэя одной рукой, он легко коснулся

губами его лба и хрипловато прошептал что-то на ухо, после чего отстранился.

И пока Со Фэй, отчётливо расслышавший всё до последнего слова, стоял как вкопанный, Самаэль молниеносно пробудил Клинок Асуры и сделал выпад в сторону Маньци прежде, чем тот успел что-либо понять.

Клинок Асуры, словно кровожадная ядовитая змея, угрожающе замер у горла Маньци. Малейшее движение означало верную смерть.

Демон смерил прекрасного эльфийского принца равнодушным взглядом. С трудом сдерживая хищные порывы своего оружия, он спокойно произнёс:

— Я хочу увидеть Виксанну Эванс.

Со Фэй всё ещё осмысливал недавние события, когда услышал слова Самаэля. Он мгновенно уловил суть его замысла.

.....Так просто и так эффективно!

К чему лишние слова? Раз уж малыш Маньци сам явился к ним, оставалось лишь взять его в заложники, и тогда забрать Виксанну будет проще простого.

Маньци никогда раньше не испытывал такого чудовищного унижения! Он был в ярости. Серебристые глаза, всегда холодные, слегка покраснели. Он замер и, стиснув зубы, процедил:

— Нет.

Всего одно слово — и Клинок Асуры едва заметно дрогнул. Острое лезвие с лёгкостью рассекло тонкую кожу, и потекла кровь. Клинок возбуждённо задрожал от её запаха.

Маньци умолк. Никогда в жизни он не чувствовал столь явственного дыхания смерти, и у него возникло ощущение, что демон будет только рад отказу, ведь тот стал бы веской причиной прикончить его.

Это осознание заставило его похолодеть от ужаса. Невиданный доселе страх змеей сдавил сердце, отчего принц непроизвольно задрожал.

Однако он был эльфом, благородным чистокровным эльфом, и гордость, которую бесчисленные поколения тысячелетиями передавали друг другу, заставляла его стоять прямо. Сопrotивляясь ужасу, подымавшемуся из самых глубин души, он с трудом проговорил:

— Убьёшь... меня — Виксанне тоже... не жить.

— Неважно, — беспечно отозвался Самаэль. — Тогда за это поплатится весь Валинор.

— Ты не посмеешь, — голос принца задрожал, глаза сузились.

— А ты проверь.

Демон говорил легкомысленно, но по выражению его глаз Маньци понял, что тот не шутит.

Наблюдавший за этим Со Фэй знал, что Самаэль просто играет на нервах. Обычное дело: кто кого запугает — тот и победил, это же азы психологии.

«Однако, господин непревзойдённый гун, должен отметить, что твоя игра исключительно хороша! Хе-хе, я и сам чуть не купился, что уж говорить о Маньци.»

Молчание затягивалось, и наконец высокородный эльф сдался.

— Вернитесь со мной в Валинор, и я устрою встречу.

Самаэль даже не шелохнулся.

— Вижу, ты всё-таки хочешь проверить...

«...смогу ли я истребить весь Валинор» — повисло в воздухе невысказанное продолжение.

— Но я правда не могу привести её сюда! — принц ответил ему свирепым взглядом.

Со Фэй опешил. Его сердце ёкнуло.

— Почему? — осведомился он.

Взглянув на него, Маньци отвёл глаза и очень тихо ответил:

— Виксанна Эванс... мертва.

В голове Со Фэя будто что-то взорвалось. Он замер, не в силах поверить услышанному. Затем, схватив Маньци, хрипло каркнул:

— Врёшь! Она не могла умереть!

Из-за движения эльфа Маньци невольно дёрнулся, и Клинок Асуры чиркнул по его шее, оставив длинный алеющий след. Кровь заструилась по лезвию, но принц, преодолевая боль, произнёс лишь:

— Фер, я и желал твоего возвращения в Валинор, и страшился его. Висканна мертва, я не смог её уберечь.

Со Фэй ощутил, как в голове пульсирует боль. Едва совладав с собой, он спросил:

— Что произошло?

— Она использовала запретные чары, — после краткой заминки начал Маньци. — Её тело получило тяжёлые повреждения, хоть и не смертельные, и я немедленно велел нашему верховному жрецу исцелить её. Когда состояние твоей матери стабилизировалось, я послал к небожителям за первосвященником. Однако его прибытия она уже не дождалась.

— Почему? Ей же помог жрец, а наша магия исцеления очень сильна!

— Ещё до того она была ранена и слаба, — в глазах Маньци что-то мелькнуло.

Со Фэй оторопел.

— Именно так: до применения запретных чар её уже что-то подкосило, и лишь благодаря своей мощной магии исцеления ей удавалось держаться. Ну а те чары полностью истощили её силы, и ничто уже было не исправить. — Принц опустил голову. — Фер, я сделал всё, что мог. Прости.

Со Фэй был не в силах вымолвить ни слова. Разум его был в смятении. Да, их знакомство с Висканной длилось всего несколько коротких дней. Но тот пронзительный миг, когда она без раздумий отдала свою жизнь, чтобы спасти его, навечно врезался в память

Причиной его тёплых чувств к Висканне был и отзвук сыновней любви настоящего хозяина этого тела, и горячая благодарность за спасение.

Всё это время он твёрдо верил, что Висканна жива и что он сможет её вызволить. Наблюдая за жизнью Юджина и его внуков, он даже осмелился мечтать о том дне, когда приведёт мать к ним в деревню и познакомит с гномами. Там ей точно было бы лучше, чем в ледяном Валиноре.

Но теперь все иллюзии разрушены.

Маньци извлёк из своих одежд хрустальный шар, но не стал опрометчиво отдавать его Со Фэю, а вместо этого вручил Самаэлю.

— Это сфера памяти Виксанны. Я в неё не заглядывал.

При виде этого последняя надежда Со Фэя разбилась вдребезги.

Когда эльф уходит из жизни, тело его обращается в прах, оставляя после себя лишь сферу памяти. В её глубинах могли таиться и отрывочные фрагменты, и что-то важное — всё зависело от последней воли покойного. Ошибки быть не могло: на этой сфере отчётливо ощущалась аура Виксанны. Вне всяких сомнений, она покинула этот мир.

<http://bllate.org/book/14660/1735042>